

УДК 123.1

«Немыслящее мышление» интеллектуальной интуиции Шеллинга

Грибанов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
Волжский государственный университет водного транспорта,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5;
e-mail: serg3074@mail.ru

Аннотация

Статья раскрывает смысл понятия «интеллектуальная интуиция», играющего ключевую роль в выяснении сущности «подлинного мышления» в философском учении Шеллинга. Предпринята попытка понять классическое философское наследие, исходя из методологического подхода отечественной научно-ориентированной философии к проблеме интуиции. Целью исследования является поиск гносеологического критерия интуиции-созерцания. Актуальность исследования определяется тем, что в одних случаях «созерцание» выступает синонимом «интуиции», а в других – фигурирует как некое чувство, никак не связанное со сферой интуитивного. Исходя из этого, становится непонятно, каким критерием следует пользоваться для отбора работ тех философов, которые, используя термин «созерцание», действительно пишут об интуиции. Мы, в свою очередь, предлагаем рассматривать в качестве критерия, отличающего феномен интуиции, спонтанность мышления познающего субъекта. А интуиция в этом случае должна пониматься как особое состояние психики, в котором уже известные нам формы мышления «ведут себя необычным образом» – протекают неосознанно и продуцируют новое знание.

Для цитирования в научных исследованиях

Грибанов С.В. (2016) «Немыслящее мышление» интеллектуальной интуиции Шеллинга // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 60-69.

Ключевые слова

Интеллектуальная интуиция, интеллектуальное созерцание, «немыслящее мышление», созерцающее мышление, подлинное мышление, спонтанная рефлексия, свобода и необходимость, «однонаправленность» мышления, «самоуничтожение» субъекта.

В отечественной философии интуицией называют тот момент, когда в сознании человека неожиданно появляется не требующий доказательств, готовый результат проблемы, ранее не поддававшейся решению. Особенность отечественных исследований феномена интуиции советского периода состоит в том, что многие авторы разрабатывали проблему интуиции на материалах научного творчества. П.В. Копнин, В.Р. Ирина, А.А. Новиков, А.С. Кармин определяли интуицию как способность формирования наглядных представлений объектов непосредственным наблюдением, как способ внезапного достижения нового знания путем своеобразного «перескакивания» этапов строгого логического рассуждения при неосознаваемости самого механизма вывода [Данакари, www]. В соответствии с этим, исследователи выделяют такие особенности интуиции как непосредственность (самоочевидность решения проблемы уже в момент догадки, когда еще нет ее логического обоснования), неосознанность путей и средств решения проблемы, неожиданность, случайность, независимость от умозаключения и доказательства, постижение познаваемого предмета целиком во всей его полноте [Данакари, Полежаев, www]. К этому можно добавить также кажущуюся «легкость» прихода в сознание исследователя интуитивной догадки, озарения. По словам Эндрю Уайлса, более 30 лет размышлявшего над теоремой Ферма, однажды утром, ни с того ни с сего, ему в голову пришло невероятное открытие: «Это было настолько невероятно красиво, так просто и элегантно. Я не мог понять, как я мог его пропустить, и я просто смотрел на него и не верил в течение 20 минут» [Майерс, 2010, 68]. Бах, говоря о появлении новых музыкальных идей, отмечал, что «проблема не в том, чтобы найти их, а в том, чтобы, вставая утром и выходя из постели, не наступить на них» [там же, 70].

Не последнюю роль в научных открытиях играют «сами собой» устанавливающиеся, «самодостраивающиеся» ассоциативные связи между понятиями и образами. Говоря языком синергетики, хаос, благодаря внешним или внутренним спонтанным воздействиям, «самодостраивается» в «порядок» и порождает «не какие угодно структуры, а лишь их определенный набор, задаваемый собственными функциями среды» [Князева, Курдюмов, 1994, 56]. По мнению Б.М. Кедрова, тысячи мальчиков видели, как яблоки падают на землю, но чтобы это явление могло подсказать мысль о всемирном тяготении, нужно было родиться поискам ответа на чисто теоретический, познавательный, а не практический, утилитарный вопрос: почему тела падают на землю? Паутину тоже видели многие, но только тогда, когда голова изобретателя была занята поисками решения вопроса о постройке моста через пропасть без быков, паутина могла подсказать решение. Точно так же изображение глотающей свой хвост змеи видели многие химики, но лишь тогда, когда встала задача, исключая возможность использовать идею о цепеобразном строении молекул, эта проблема смогла сыграть роль своеобразной подсказки для Кекуле [Кедров, 1990, 21].

Таким образом, условием «случайного» возникновения ассоциаций между образами и понятиями в сознании исследователя является предшествующая историческая практика многих поколений ученых, а также его индивидуальный опыт в решении научной пробле-

мы. Все эпохальные изобретения человечества (огонь, керамика, металл, колесо и пр.), все выдающиеся открытия в астрономии и астрофизике (космические источники радио и гамма-излучений, пульсары, квазары, реликтовое излучение и пр.) были делом случая, – считает Г.У. Лихошерстных. Но не будь целенаправленной деятельности науки, случайности эти не сделали бы своего дела [Лихошерстных, 1984, 81].

Таков смысл понятия «интуиция» в науке, применительно к научным открытиям. Научно ориентированная советская философия и основанная на ее наследии современная российская философия предлагают при изучении интуиции (как озарения, догадки) рассматривать главным образом ее гносеологический механизм, объективные причины, порождающие ее, условия ее протекания. Но можно ли с подобными мерками подходить к изучению понятия интуиции, содержащегося в классическом философском наследии?

Проблема заключается в том, что многие выдающиеся представители мировой философской мысли широко использовали в своих учениях понятие, переводимое на русский язык как «созерцание». А одно из таких «созерцаний» – латинское *intueri* – легло в основу теперь уже русского (заимствованного) слова «интуиция», которое и стало собирательным названием всем необычным и феноменальным проявлениям человеческой психики и мышления как в научной, так и в обыденной сфере. В отличие от «интуиции», продуцирующей новое знание (пусть даже представленное первоначально как «сумасшедшие идеи») и понимаемой как некая загадка человеческой психики и мышления, в русском языке «созерцание» не несет подобной смысловой нагрузки.

Но осуществляя «обратный» перевод таких терминов как «созерцание, усмотрение, видение», содержащихся в философских учениях, с других языков на русский, мы наделяем «созерцание» теми качествами, которые приписываем слову «интуиция». Получается, что все философы, когда-либо употреблявшие термин «созерцание» в своих учениях, так или иначе, затрагивают проблему интуиции. Однако в литературе до сих пор нет ясности о том, каким критерием следует пользоваться для отбора работ тех философов, которые, используя термин «созерцание», действительно пишут об интуиции. Ведь в одних случаях «созерцание» выступает синонимом «интуиции», а в других – фигурирует как некое чувство, никак не связанное со сферой интуитивного. Правда, исследователи, отмечающие подобные факты в классическом философском наследии, сами зачастую допускают некорректные определения «интуиции» в ее отношении к «созерцанию». Так, В.Р. Ирина и А.А. Новиков, полагают, что поскольку у Гегеля отсутствует даже само упоминание об интуиции (хотя есть учение о созерцании), то его нельзя причислить к философам, исследующим проблему интуиции [Ильин, 1994, 30-32]. Сами же они, определяя сферу интуитивного, исключают из нее понятие «созерцание»: «Все, что совершается интуитивно, должно быть внезапно, неожиданно, непосредственно очевидно, неосознанно быстро, безотчетно легко, вне логики и созерцания и в то же время само по себе строго логично и основано на предшествующем чувственном опыте» [там же, 131]. Что же в данном случае понимается под созерцанием?

Видимо, чувства, если исходить из определения интуиции, которое дается авторами: «Интуицию следует рассматривать как специфический способ познания, который не является ни чувственным, ни логическим» [там же, 119]. В отличие от В.Р. Ириной и А.А. Новикова, И.А. Ильин предлагает рассматривать в качестве критерия интуитивистического объективизма гегелевское понятие «забвения о самозабвении», характерное для «сверхчувственного внутреннего созерцания», и на этом основании, напротив, причисляет Гегеля к интуитивистам [Ирина, 1978, 55-56]. И даже Шеллинг, которого считают учителем Гегеля, в своем письме к Гегелю [Шеллинг, 1971, т. 2, 283] признается, что не понимает смысла гегелевского «созерцания»: «Я признаюсь, что я не понимаю смысла того, почему ты противопоставляешь понятие интуиции (*Anschauung*). Не можешь ведь ты подразумевать под понятием нечто иное, чем то, что мы с тобой называем идеей, которая, с одной стороны, является понятием, а с другой – интуицией» [Булатов, 2003, ч. 1, 305].

В учении самого Шеллинга понятие интеллектуальной интуиции (созерцания) используется не только «для диалектического решения антиномии, или противоречия, между свободой и необходимостью» [Асмус, 1965, 76], но и для выяснения сущности так называемого «подлинного мышления». Указывая на различие между созерцающим мышлением и «немыслящим мышлением» (материей мышления), Шеллинг отмечает, что в отличие от последнего, «подлинное мышление выражается лишь в продолжающемся определении и формировании этого самого по себе неопределенного, этого никогда самому себе не равного, всегда становящегося другим. Когда мышление занято определением этой материи, оно мыслит не саму эту основу, а лишь то определение понятия, которое оно в нее полагает (подобно отношению скульптора к своему материалу), следовательно, она есть то, что по существу не мыслится в мышлении. Между тем немыслящее мышление не столь уж отдалено от созерцающего мышления, – считает Шеллинг, – и тем самым через всю эту философию проходит мышление, в основе которого лежит интеллектуальное созерцание...» [Шеллинг, 1998, 1495-1496].

Интеллектуальное (внешнее) созерцание, по Шеллингу, есть «лишь носитель фигуры внутренней и духовной» [там же, 1512]. Внутреннее чувство или чувственное созерцание, которое Шеллинг называет также духовной интуицией [там же, 335], по его словам, «не является производящим свой объект. Внешнее чувство, или интеллектуальное созерцание, есть «способность производить и одновременно созерцать определенные действия духа» [там же, 432-433].

Объяснением тому, «как Я может созерцать самого себя продуктивным» (или как возможно интеллектуальное созерцание) служит, согласно Шеллингу, не интеллектуальное созерцание, т. к. оно порождает бесконечную цепь продуцирований, а нечто иное, что позволяет «с помощью абсолютно спонтанно осуществленной рефлексии» выйти из этой сферы. Без данного акта «созерцание интеллектуального действия в момент его совершения» (интеллектуальная интуиция, в интерпретации В.Ф. Асмуса [Асмус, 1965, 77]) может превратиться в ничто, подобное состоянию смерти. Ведь «чем непосредственнее опыт (созерцание – С.Г.), тем он ближе к исчезновению» [Шеллинг, 1998, 98].

В исследовании В.Ф. Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике» понятие интуиции определяется взглядом Шеллинга о том, что «деятельность нашего интеллекта протекает согласно необходимым законам, не зависящим от произвола нашего усмотрения», но при этом «далеко не каждый мыслящий интеллект имеет верное знание о необходимом характере своей деятельности». Таким верным знанием Шеллинг считает интеллектуальную интуицию, свойственную особым лицам, обладающим *философским талантом*. Интеллектуальная интуиция позволяет «мыслящему интеллекту» видеть собственные действия в качестве объекта. В этом смысле интеллектуальная интуиция есть «осознание действующим интеллектом необходимости законов, по которым он действует». Таким образом, Шеллинг призывает к выявлению необходимых законов деятельности нашего интеллекта, которые «не зависят от произвола нашего усмотрения», путем осознания того, как мы мыслим, одновременно сознательно оперируя какими-либо сведениями (например, сведениями об интуиции), т. е. путем произвола. Другими словами, как только мы обращаемся к выявлению этих необходимых законов интеллекта, «не зависящих от нас», мы устанавливаем эту самую зависимость. С одной стороны, Шеллинг прав, ведь признание абсолютной независимости необходимых законов интеллекта от произвола интеллекта (его воли, свободы от этих законов при их познании) означало бы непознаваемость законов интеллекта. С другой стороны, возникает вопрос: как возможно организовать познание того, как человек мыслит во время этого самого «мышления»? Подобный вопрос не возник бы, не будь у нормальных людей однонаправленного активного мышления (в один момент времени). Даже способности некоторых людей заниматься одновременно разными видами деятельности проявляются лишь при условии автоматизма действий (дополнительных к основной деятельности) либо быстрого переключения внимания с одной деятельности на другую. Так, «в 1887 году французский психолог Поллан показывал свою способность читать слушателям одно стихотворение и в то же время писать другое. Он мог декламировать стихи – и в то же время перемножать многозначные цифры» [Пекелис, 1984, 79-80].

Одна из двух указанных здесь деятельностей обязательно должна представлять собой автоматизм. Удивление могло вызвать то обстоятельство, если бы человек вынужден был решать в уме нестандартную задачу (да пусть даже стандартную) и одновременно слушать какой-либо текст, чтобы потом по нему отвечать на вопросы. Именно такими способностями, согласно Шеллингу, должен обладать человек, чтобы иметь верное знание о необходимых законах своего интеллекта. Такой человек, действительно, должен быть, как минимум, «избранником духа». Однако обычные люди обладают предметным мышлением, т. е. оперируют знаками, которые замещают предметы реального внешнего мира в человеческом сознании. На эти знаки, а соответственно и на операции с ними, проецируется свойство материального мира – свойство «двойной непроницаемости» [Соловьев, 1988, т. 2, 540-541], по Соловьеву (непроницаемость в пространстве и непроницаемость во времени), которое,

применительно к сознанию человека, звучит как однонаправленность мышления. Чтобы избавиться от данного свойства и стать «ненормальным», человеку необходимо в мышлении выйти за пределы материального мира, избрав нематериальную предметность мышления. Это своего рода свобода субъекта от «типичной» предметности.

Подобное объяснение однонаправленности мышления позволяет по-иному понять причину, побудившую Шеллинга изменить первоначальную формулировку интеллектуальной интуиции (на что указывает В.Ф. Асмус), согласно которой «законы мышления должны стать объектом самого мыслящего мышления» и принять противоположную точку зрения, согласно которой «законы мышления должны перестать быть для нас объектом».

По мнению В.Ф. Асмуса, интеллектуальная интуиция Шеллинга наступает, «когда мы перестаем быть для самих себя объектом, когда, обратившись внутрь себя, созерцающее Я тождественно с созерцаемым» [Асмус, 1956, 79].

Именно в такой связке, в органическом переходе от разобщенности (когда законы мышления стали объектом мышления) к слитости (когда мышление с его законами перестало нас интересовать и быть объектом для нас) субъекта и объекта и заключается существо интеллектуальной интуиции, согласно нашей интерпретации Шеллинга. Интеллектуальное созерцание, по Шеллингу, как бы переходит от одной противоположности к другой и обратно, и в этом витании между ними связывает их в целое – тождество субъективного и объективного, идеального и реального, мышления и бытия [Булатов, 2003, ч. 1, 303].

Поскольку обладать интеллектуальной интуицией, по Шеллингу, могут лишь «ненормальные» люди, то в соответствии с указанным нами ранее возможным способом ее осуществления (изменение предметности мышления), Шеллинг и характеризует интуицию как акт непосредственный, свободный, вневременный и внепричинный. Перед нами – непосредственность, не имеющая характеристик материального мира: нет ни времени, ни пространства – «чистая абсолютная вечность находится в нас»; «мир растворился в нашем созерцании» (нет привычного мира – он «растворился»).

В.Ф. Асмус видит в подобном понимании непосредственного проявление мистики, связанное якобы с недialeктичностью интуиции Шеллинга. По его мнению, «в учение об интеллектуальной интуиции Шеллинг внес ложную, чуждую диалектике мысль, будто интуиция есть акт, абсолютно непосредственный, абсолютно свободный, вневременный и внепричинный». Поэтому «диалектика непосредственного и опосредствованного знания растворяется у Шеллинга в непосредственности мистического созерцания» [Асмус, 1956, 79]. Однако Шеллинга нельзя обвинять в недialeктичности на основании слов В.Ф. Асмуса об абсолютном характере непосредственности и свободы. Шеллинг не дает повода для подобной интерпретации своих взглядов.

Непосредственность, точнее непосредственный опыт (опыт, созданный нами самими, независимо от какой бы то ни было объективной причинности), или интеллектуальное созерцание, Шеллинг не мыслит в отрыве от чувственного созерцания. Интеллектуальное со-

зерцание он сравнивает со смертью, а чувственное – с жизнью. По его мнению, «только этот принцип – созерцание и опыт – может вдохнуть жизнь в мертвую неодушевленную систему: даже самые отвлеченные понятия, которыми оперирует наше сознание, связаны с опытом, почерпнутым из жизни и бытия» [Шеллинг, 1998, 86]. «Живой называется та деятельность, которая направлена только на объекты, мертвой – деятельность, которая погружается в саму себя. Однако человек не должен быть ни безжизненным, ни только живым существом. Его деятельность необходимым образом направлена на объекты, но столь же необходимо она возвращается к самой себе» [там же, 94].

Диалектику «живого» и «мертвого», чувственного и интеллектуального, непосредственного и опосредствованного В.Ф. Асмус представляет как первоначальную (интуиция – «живая» деятельность) и последующую (интуиция – «мертвая» деятельность) точки зрения Шеллинга, которые противоречат друг другу. Но это лишь видимость противоречия, т. к. первоначальную точку зрения Шеллинга В.Ф. Асмус формулирует, неверно интерпретируя смысл свободы в ее отношении к необходимости и к проблеме интуиции. «По разъяснению Шеллинга, – говорит он, – в акте интеллектуальной интуиции наше сознание свободно воспроизводит – в умозрении – те самые действия, которые необходимо совершаются им по законам детерминизма» [Асмус, 1956, 77]. Но, во-первых, Шеллинг не говорит ни о каком акте интеллектуальной интуиции, а лишь об интеллектуальном созерцании, которое показывает специфику интуиции и при этом не исчерпывает многообразия факторов ее порождающих. Во-вторых, слова «сознание свободно воспроизводит – в «умозрении...» В.Ф. Асмус понимает в том смысле, что сознанию, т. е. субъекту ничто не мешает самому (в своей «самости») осознанно творить («интуировать»), осознавая не только содержание творения, но и способ творения. Здесь В.Ф. Асмус выдает способ осуществления свободы (как он его понимает – целенаправленное осознание необходимости) за суть интуиции (интеллектуальной интуиции, в его интерпретации). Суть интуиции Шеллинга заключается совершенно в другом. Что же касается интеллектуального созерцания, то оно соответствует понятию свободы в значении «что есть свобода», (а не в значении «как она возможна»). Свобода субъекта, по Шеллингу, – не свобода как самовыражение, самоосознание, а свобода как самоуничтожение субъекта. Шеллинг однозначно заявляет: «...при абсолютной свободе немислимо самосознание. Деятельность, для которой нет объекта, нет сопротивления, никогда не вернется к себе самой. Только посредством возвращения к себе возникает сознание. ... Высший момент бытия для нас – переход в небытие, момент уничтожения» [Шеллинг, 1998, 93-94].

Таким образом, свобода есть момент уничтожения субъекта, деятельность, для которой нет объекта, нет сопротивления (т. е. нет ни субъекта, ни объекта). Где есть самосознание, там нет абсолютной свободы. Субъект сам не в состоянии воссоздать в себе абсолютную свободу (интеллектуальное созерцание). Шеллинг специально поясняет, как возможно

интеллектуальное созерцание («самоуничтожение»). По мнению Шеллинга, «субъект как таковой не может уничтожить себя сам, потому что для того, чтобы самого себя уничтожить, он должен был бы пережить свое собственное уничтожение. ... Следовательно, исполнено это требование должно быть не посредством собственной причинности субъекта, а посредством чужой причинности в нем» [там же, 83]. Таким образом, Шеллинг дополняет высказывание Спинозы «свобода есть осознанная необходимость» (данная фраза имеет значение: «что есть свобода») своим пониманием возможности свободы (в значении: «как возможна свобода»): «свобода есть осознанная... путем чужой причинности в субъекте». Иными словами, субъект не сам осознал свободу, а что-то извне заставило его сделать это. Из сказанного следует, что способ осуществления свободы – не целенаправленная осознанность, а спонтанная осознанность. При этом сам переход от одного состояния к другому происходит спонтанно, беспредпосылочно, т. е. без активного участия субъекта. Спонтанность составляет необходимое условие продуктивности «абсолютной свободы» (интеллектуального созерцания).

Библиография

1. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1965. 312 с.
2. Булатов М.А. Немецкая классическая философия: в 2-х частях. Киев: СтилоС, 2003. Ч. 1. 322 с.
3. Данакари Л.Р. Феномен интуиции в системе комплексного исследования человека. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_11-2_18.pdf
4. Данакари Л.Р., Полежаев Д.В. Феномен интуиции: философские основания, условия возникновения и особенности реализации. URL: [http://vestnik43.ru/9\(2015\).pdf](http://vestnik43.ru/9(2015).pdf)
5. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
6. Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции. М.: Наука, 1978. 191 с.
7. Кедров Б.М. О путях научного творчества // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. М.: Наука, 1990. С. 9-23.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С 110-122.
9. Лихошерстных Г.У. Интуиция в науке, ее природа и ее возможности // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 73-81.
10. Майерс Д. Интуиция. Возможности и опасности. СПб.: Питер, 2010. 272 с.
11. Пекелис В. Твои возможности, человек! М.: Знание, 1984. 272 с.
12. Соловьев В.С. Смысл любви: сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 824 с.
13. Шеллинг Ф.В.Й. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 283 с.
14. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. М.: Мысль, 1998. 1664 с.

"Unconscious thinking" of Schelling's intellectual intuition

Sergei V. Gribanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Volga State University of Water Transport,
603950, 5 Nesterova str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: serg3074@mail.ru

Abstract

The article reveals the meaning of the concept of "intellectual intuition", which plays a key role in clarifying the nature of "original thinking" in the philosophical teachings of Schelling. Intuition in Russian philosophy means the moment when the result of the problem which has been considered insolvable unexpectedly comes to mind. The author attempts to understand the classical philosophical heritage on the basis of the methodological approach of the domestic scientific-oriented philosophy to the problem of intuition. The aim of the study is the search for epistemological criterion of intuition and contemplation. The relevance of the study is determined by the fact that, in some cases, "contemplation" is synonymous with "intuition", and sometimes it appears as a feeling which is not connected with the sphere of the intuitive. In view of this, it is unclear which criteria should be used to select works of those philosophers who do write about intuition using the term "contemplation". The author, in his turn, wishes to consider spontaneity of cognizer's thinking as a criterion of intuition distinguishing. But intuition in this case should be understood as a special state of mind, in which the already known ways of thinking "behave in an unusual way" or run reflexively and produce new consciousness.

For citation

Gribanov S.V. (2016) "Nemyslyashchee myshlenie" intellektual'noi intuitsii Shellinga ["Unconscious thinking" of Schelling's intellectual intuition]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 60-69.

Keywords

Intellectual intuition, intellectual contemplation, "unconscious thinking", contemplative thinking, genuine thinking, spontaneous reflection, freedom and necessity, "one-pointedness" of thinking, "self-destruction" of the subject.

References

1. Asmus V.F. (1965) *Problema intuitsii v filosofii i matematike* [The problem of intuition in philosophy and mathematics]. Moscow: Mysl' Publ.
2. Bulatov M.A. (2003) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya: v 2-kh chastyakh* [Classical German philosophy: in 2 parts], Part 1. Kiev: Stilos Publ.
3. Danakari L.R. *Fenomen intuitsii v sisteme kompleksnogo issledovaniya cheloveka* [The phenomenon of intuition in the system of the integrated study of man]. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_11-2_18.pdf [Accessed 12/07/16].
4. Danakari L.R., Polezhaev D.V. *Fenomen intuitsii: filosofskie osnovaniya, usloviya vozniknoveniya i osobennosti realizatsii* [The phenomenon of intuition: philosophical underpinnings, triggering events, and actualization features]. Available at: [http://vestnik43.ru/9\(2015\).pdf](http://vestnik43.ru/9(2015).pdf) [Accessed 14/07/16].
5. Il'in I.A. (1994) *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's philosophy as a doctrine of the concreteness of God and man]. St. Petersburg: Nauka Publ.
6. Irina V.R., Novikov A.A. (1978) *V mire nauchnoi intuitsii* [In the world of scientific intuition]. Moscow: Nauka Publ.
7. Kedrov B.M. (1990) O putyakh nauchnogo tvorchestva [On the ways of scientific creativity]. In: *Mezhdistsiplinarnyi podkhod k issledovaniyu nauchnogo tvorchestva* [An interdisciplinary approach to the study of scientific creativity]. Moscow: Nauka Publ., pp. 9-23.
8. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (1994) Intuitsiya kak samodostraivanie [Intuition as self-constructing]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2, pp. 110-122.
9. Likhoshesternykh G.U. (1984) Intuitsiya v nauke, ee priroda i ee vozmozhnosti [Intuition in science, its nature and possibilities]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 6, pp. 73-81.
10. Myers D. (2002) *Intuition: its powers and perils*. New Haven, CT: Yale University Press. (Russ. ed.: Maiers D. (2010) *Intuitsiya. Vozmozhnosti i opasnosti*. St. Petersburg: Piter Publ.)
11. Pekelis V. (1984) *Tvoi vozmozhnosti, chelovek!* [Your opportunities, man!] Moscow: Znanie Publ.
12. Schelling F.W.J. von (1971) *Raboty raznykh let: v 2 t* [Works of various years: in 2 vol.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.
13. Schelling F.W.J. von (1998) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ.
14. Solov'ev V.S. (1998) *Smysl lyubvi: sochineniya v 2-kh t* [The meaning of love: works in 2 vol.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.